

ВЫШЛИ КНИГИ:

СЕРИЯ «ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»:

РАЗРЫВ — ТРАВА ГОРЬКАЯ
СКВОЗЬ ПЕЧАЛЬНЫЕ ТУМАНЫ
ВОЛКИ СМОТРЯТ В ЛЕС
ОТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ
ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ
ГОРИ, ПИСЬМО ЛЮБВИ
СУДЬБОЮ РВЕТСЯ НИТЬ

СЕРИЯ «ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ:

ТВОИ ГЛАЗА БЕЗДОННЫЕ
ТИХОЙ НОЧЬЮ НА СТЕПИ
ЛУНОЙ БЫЛ ПОЛОН САД
ТЫ ОДНА – ВСЯ ЖИЗНЬ
ЖАСМИН ЕЩЕ ЦВЕЛ
ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА

ЗВЕЗДЫ НАД ОБРЫВОМ

СЕРИЯ «МАГИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ»:

ДЕТИ ЙЕМАНЖИ
ЖЕНЫ ШАНГО

Анастасия Туманова

ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Вышел месяц из тумана / А. Туманова. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 384 с. — (Дорогой длиною).

ISBN 978-5-521-92505-6

Конец гражданской войны. Семья кочевых цыган старается выбраться из охваченного казацкими мятежами Задонья. Цыганка Симка, влюбившись в кишинёвца Беркуло, уходит с ним из родного табора. Спасаясь от погони, влюблённые прыгают в вагон солдатского эшелона, несущегося на войну. Но наутро Беркуло просыпается один. Его невеста ночью сбежала с красноармейцем-цыганом...

Что заставило Симку так обойтись с любимым? Встретятся ли они с Беркуло вновь?

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92505-6

© Туманова А., 2021
© Бенимана Д., оформление, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Автор благодарит Фонд цыганской культуры
и истории Николая Бессонова
и актрису театра «Ромэн»
Патрину Шаркози
за предоставленный материал
для оформления обложки.*

*Автор выражает глубокую признательность
Владимиру Чеботарёву (кишинёвцу из вицы
милионешти) за этнографические
консультации*

Г Л А В А 1

— Маша! Машенька, милая, золотая моя, открой глаза! Машенька, посмотри на меня! Девочка моя, посмотри... Боже мой, Танька, когда это началось-то?! Ей же утром совсем хорошо было! — Молодая цыганка в строгом чёрном «служащем» костюме стояла на коленях возле кровати и лихорадочно ощупывала лежащую в развороченной постели девочку. Малышка не шевелилась, хрипло, тяжело дышала, на её смуглом лбу блестели капельки пота. Мать со страхом смотрела на неё, машинально отводя от своего лица недлинные, вьющиеся волосы. Сгрудившиеся вокруг цыгане подавленно молчали. Маленькая комната была едва освещена лишь оплывшим свечным огарком: керосин зимой 1921 года в Москве был ещё дорог. За окном мело.

— Дэвлалэ¹... Дэвлалэ, неужели тиф? Ох, да что же делать? Ночь на дворе! Танька, дура, почему за мной не послали?! Я бы тогда, я бы... О-о-о, дуры проклятые!

— Да ты же работала, Нинка!

— Ну и что?! Плевать на этот «Нарстрой», я бы прямо с заседания убежала! Машенька, бедная моя, да что же

¹ Боже мой.

это... — Нина расплакалась навзрыд, схватив худую, горячую руку дочери. — Боже мой, надо же в больницу... Если тиф, то надо побыстрее! Я же это видела, я знаю...

— Нинка, да были мы уже в больнице. Рядом тут. На Садовой, — мрачно сказал молодой цыган с некрасивым лицом и длинным, острым, как у птицы, носом. — Нам там поначалу и не открывал никто. Уж стучали-стучали, кричали-кричали — никого! Потом уж сторож высунулся и говорит: никого врачей нет, утром приходите!

— А вы, собачьи дети, сказали, что дитё помирает?! — хрипло вскричала Нина.

— Говорили, да что толку... «Приходите утром» — и всё!

— О-о, чтоб вам подохну-уть... — схватилась за голову Нина. Цыгане столпились вокруг неё, растерянно переглядываясь. В тишине явственно слышалось хриплое дыхание больной девочки. Её старшая сестрёнка стояла, прижавшись к двери, и смотрела на мать большими испуганными глазами.

Нина вдруг резко выпрямилась.

— Танька, а ну носи одеяло тёплое, валенки для Маши! — решительно сказала она. — Возьми мой платок пуховой, укутай как следует! Скворечико, беги на Садовую, найди извозчика!

— Да где ж я его среди ночи найду?

— Где хочешь!!! Чтоб был мне через минуту! Ступай, или придушу!

— Смотри ты, как чужим мужем раскомандовалась... — проворчала, поднимаясь с табуретки, чёрная и глазастая Танька. Но Нина взглянула на неё так, что она осеклась и, бурча под нос что-то сердитое, ушла за одеялом. Мишка Скворечико торопливо выбежал вон.

Через четверть часа Нина вышла из дома. Завёрнутая в лоскутное одеяло Машенька была в беспамятстве. Нина,

придерживая голову дочери, торопливо взобралась в экипаж-коробку, вместе с ней вскочил и Мишка.

— Только ради бога, дядя Сидор, отвези поскорей!

— Не бойсь, Нинка... — прогудел немолодой извозчик, разбирая верёвочные вожжи. Он был занесён снегом с ног до головы. — Старушка вихрем домчит! Тебе куда — в больницу?

— Да пропади она!.. Вези на Лубянку!

— Ох... — Дядя Сидор даже перекрестился и, наполовину развернувшись с козел, недоверчиво посмотрел в бледное, полное решимости лицо молодой цыганки. — Там что, возле Чеки новая больничка завелась?

— Не твоё дело, поезжай! — оскалилась ему в лицо Нина. — Живо!

Больше извозчик не решался задавать вопросы и до самой Лубянки ожесточённо нахлёстывал свою савраску. Нина молчала, крепко прижимая к себе дочь и глядя неподвижными глазами на пустые, тёмные улицы. Ничего не говорил и Мишка.

Дом на Лубянке, с недавних пор хорошо известный москвичам, горел всеми окнами.

— Ишь ты, и по ночам им не спится... — пробурчал дядя Сидор, останавливая лошадь в переулке. — Нинка, воля твоя, а прямо к дверям не поеду я! Могу туточки тебя обождать!

— Как хочешь. — Нина бережно передала дочь Мишке. — Скворечико, осторожно держи! Я сейчас...

— Нинка, зря ты это, — помедлив, сказал Мишка. — Его и вовсе тут не быть может. Вы с ним когда последний раз виделись? Полгода прошло, коли не больше!

— Может быть... — прошептала Нина, тщательно вытирая слёзы. — Но... но куда же тогда ещё, боже мой? Молись,

Мишка, чтоб он здесь оказался, молись! К кому мне ещё кидаться? От вас всех толку — что?!

Мишка не успел ничего ответить — а она уже скрылась в темноте, лишь цепочка следов виднелась на снегу. Скворечико тихо выругался, избегая вопросительного взгляда извозчика, склонился к Машеньке, потрогал её лоб, вздохнул.

— Откройте! Откройте! Откройте!!! — Нине казалось, что она уже целый час долбит в промёрзшую дверь, а ей всё никто не отпирал. «Но ведь свет горит! Значит, кто-то есть! Чем они там, черти их раздери, занимаются?!» Нина из последних сил яростно ударила кулаком — и дверь внезапно распахнулась, явив заспанного молодого парня в сдвинутой на затылок фуражке и распахнутом кожаном пальто.

— Чего дербаните, гражданка? Кого надобно?

— Мне нужен товарищ Наганов, Максим Егорович, следователь Чрезвычайной Комиссии! — отчеканила Нина, надеясь, что голос её звучит спокойно и ровно. Но её растрёпанный вид и заплаканное лицо явно не внушили солдату доверия.

— А на что он вам? Как доложить? Пошто в такой час-то?

— Доложите — Баулова Антонина Яковлевна! Цыганка Нина с Живодёрки! Он меня знает! Пожалуйста, поскорей!

— Вон как? Ну, обождите... — Парень снова смерил её недоверчивым взглядом, но внутрь впустил и, показав на щелястую лавку возле бюро пропусков, куда-то ушёл. Нина принялась мерить шагами тесную, холодную приёмную, отчаянно жалея, что забыла дома папиросы. Потом остановилась у окна, стараясь сквозь ледяную корку рассмотреть пустую улицу. Почему-то казалось, что ждать придётся очень долго, и Нина вздрогнула от неожиданности, минуту спустя услышав за спиной знакомый голос.

— Доброй ночи, Нина. Что у вас случилось?

Она стремительно развернулась.

Максим Наганов совсем не изменился за те полгода, что они не виделись. На нём, казалось, был даже тот же самый вылинявший френч, и серые холодные глаза так же пристально и внимательно, без всякого удивления смотрели на Нину.

— Хорошо, что я оказался на месте. Уже собирался уходить... Что случилось? Нина, вы плачете, в чём дело?

— Максим Егорович, мне нужна... — Нина запнулась. Слёзы потекли из глаз, и она едва смогла выговорить: — Максим Егорович, моя Маша умирает... Тиф... Это снова тиф...

Минуту спустя по пустым, заснеженным московским улицам летела чёрная машина. За рулём был молодой чекист, который то и дело поглядывал через плечо на неподвижно сидящую на заднем сиденье Нину с ребёнком на руках. Рядом с шофёром сидел Наганов и советовал:

— Фёдор, в Староконюшенный лучше через Воздвиженку и Арбат. На Остоженке завал, дом старый рухнул... Не волнуйтесь, Нина, мы успеем, всё будет хорошо.

Нина не отвечала, крепко стиснув зубы. Её трясло. Она не могла даже следить за дорогой и не узнала тёмной улицы, на которой, подняв снежную пыль, остановилась машина. В глубине двора виднелся огромный каменный дом. Наганов взял ребёнка из рук Нины, пошёл к подъезду. Выпрыгнув из машины, Нина побежала за ним.

На широкой площадке второго этажа, возле высокой двери с медной табличкой «Профессор П. О. Мережин» их встретил высокий седой человек в старомодном шлафроке, с трудом пристраивающий на носу пенсне. Нина поклонилась ему; седой человек ответил тем же, взглянув вопросительно. Женщина растерянно повернулась к Наганову.

— Здравствуйте, профессор. Простите, что в такой час беспокоили, — вежливо, но твёрдо сказал Наганов. — Пра-

во, если бы не крайняя необходимость... Умирает ребёнок, а в больнице не принимают. Вот его мать говорит, что это тиф.

— Проходите, — коротко пригласил профессор. — Извините, товарищ Наганов, но в смотровую в обуви нельзя.

— Разумеется. Нина, я подожду вас здесь.

Она кивнула, кое-как сбрасывая промёрзшие валенки, взяла у Наганова Машу и, едва держась на ногах от внезапно подступившей слабости, пошла вслед за профессором по длинному тёмному коридору большой квартиры.

— С чего вы взяли, что это — тиф? — четверть часа спустя недовольно спросил профессор Мережин, моя руки под струей тёплой воды. Вода лилась из кувшина, который держала Нина. На металлическом столе горела керосиновая лампа, в её свете видно было спокойное лицо спящей Машеньки.

— Но как же, профессор... Эта сыпь... И сильный жар... — Нина изо всех сил старалась говорить спокойно, но голос срывался, руки постыдно тряслись, и струя воды то и дело лилась мимо белого эмалированного таза. — Утром она жаловалась, что ноют ноги и спина... Она уже болела этим, и всё начиналось так же.

— А если болела, то вы должны были знать, что вторично сыпной тиф случается крайне редко.

— Но что же это тогда, Павел Осипович?!

— Скарлатина, надо полагать. Тоже ничего хорошего, правда... Посмотрите вот сюда. — Мережин подошёл к кушетке, на которой лежала Машенька, принялся осторожно разгибать ручки девочки. — Видите?... Вот здесь, в складках, сыпь гораздо заметнее. Под коленями так же... И она совсем другого рисунка, нежели при тифе...

— О-о, слава богу... Но... что же мне теперь делать?

— Лучше всего оставить её пока у меня. Я могу, разумеется, распорядиться, чтобы её положили в больницу, но...